

ПРИБЫТИЕ ПЕРВЫХ ДЖУЧИДОВ В МОСКОВСКОЕ ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО: НАЧАЛО ТРАНСФОРМАЦИИ ИМПЕРИИ¹

Еще одним Джучидом, оказавшимся на землях Северо-Восточной Руси, был некий султан (царевич) Мустафа, который вместе со своими людьми неожиданно объявился в окрестностях Рязани в конце 1443 г. Кем был Мустафа? Кеннеди не дает никакого ответа на этот вопрос. А. Горский отмечает, что имена татарских предводителей, пришедших тогда на Рязань, нигде более не упоминаются. Вряд ли они принадлежали к Орде Улуг-Мухаммада — источники сохранили другие имена его сподвижников, считает ученый². Возможно, Мустафа был султаном, не подчиняющимся ни одному из ханов³, менее вероятно, что он был связан с Кичи-Мухаммадом⁴ или Сейид-Ахмадом, так как с этими ханами в начале 40-х годов поддерживались мирные отношения, заключает автор. А. Бахтин никак не связывает его с Улуг-Мухаммадом⁵.

Полагаю, что близкую к реальности версию выдвинул Д. Исхаков, который считает Мустафу сыном Улуг-Мухаммада⁶. При таком подходе дальнейшие события получают логическую связку. Улуг-Мухаммад, мечтавший вернуть сарайский трон, распустил своих сыновей по различным Степным районам для контроля хотя бы над частью территории Орды. Пограничный рязанский край явно входил в зону его интересов, как и Нижний Новгород (см. ниже). Вероятно, Мустафе было дано задание «собрать» выход, который русские князья, естественно, не выплачивали хану после изгнания из Сарая. Идти на Русь просто с целью банального грабежа Джучиду не

¹ Окончание. Начало статьи см.: 2012. № 1 (47). С. 62–72. Работа выполнена при финансовой поддержке Gerda Henkel Stiftung (грант AZ 09/SR/10). Я также благодарю Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук в Москве за возможность изучить французскую историографию проблемы в мае 2011 г. в Париже.

² См.: ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 102–103, 106; М.; Л., 1949. Т. 25. С. 248–249, 260; Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 145.

³ Горский А. А. Москва и Орда. С. 145.

⁴ Так полагал Г. В. Вернадский (*Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. Тверь; М., 2000. С. 322).

⁵ Бахтин А. Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола, 2008. С. 133–134.

⁶ Исхаков Д. М. О родословной хана Улуг-Мухаммеда // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 63–74. Вкратце напомним логику ученого. В некоторых русских летописях под 1474 г. появляется известие о прибытии на службу в Москву «Муртозы царевича, Мустофина сына царя Казанского (выделено мной. — Б. Р.)», а первое сообщение о нем относится к 1471 г. (ПСРЛ. М., 1965. Т. 12. С. 141, 154). В других летописях Муртазу называют сыном Мустафы, «царя Крымского» (ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 144). Так как ни казанского, ни крымского хана под именем Мустафа другие источники не знают, ученый обратил внимание на участие в эпизоде зимы 1443–1444 г. мордвы, которая сражалась вместе с московскими войсками с султаном Мустафой и вместе с ними уничтожила его. За этим последовал карательный поход Улуг-Мухаммада осенью 1444 г. именно против мордвы как ответное действие за участие мордвы в сражениях зимой 1443–1444 г., как месть за убийство сына. Более того, одно татарское краеведческое сочинение сообщает нам о ногайцах, живших в период Казанского ханства в районе Алатского городка и подчинившихся ханскому сыну по имени Мустафа (*Ахматжанов М.* Арча ягынын борынгы тарихы // Коммунизмга. 1975. № 70). Финальную ясность в вопрос вносит перечень сыновей хана Улуг-Мухаммада, имеющийся в тюркском сочинении 1504 г. «Таварих-и гузида-йи нусрат наме», где Мустафа назван в перечне семерых сыновей хана четвертым. Там сообщается, что у Улуг-Мухаммада «было семь сыновей и три дочери. Их имена — Дилшад, Даулат, Даулатшах, Махмудек-хан, Йа'куб, Тулек, Мустафа, Йесир-Зире, Касим, Науруз» (Таварих-и гузида-йи нусрат наме // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969. С. 40–41). Сообщения русских летописей о «Казанском царе Мустафе» можно считать за обычную в таких случаях путаницу в титулах не столь известных степных династий. Но возможно, что здесь есть подоплека, так как история Казанского ханства указанного периода (и соответственно хронология и имена казанских ханов) плохо известна. Возможно, Мустафа кратковременно был казанским ханом.

позволял статус — этим занимались люди более низкого ранга. Так как Улуг-Мухаммад считал себя лишенным трона (и соответственно выхода) незаконно, то логика в его действиях имеется.

Действительно, Мустафа пришел на Рязань как хозяин — взял большую часть населения в плен и тут же, «не отходя от кассы», продал ее тем же рязанцам за выкуп. Далее он решил остановиться у ограбленного населения на постой (про чувства рязанцев в этой ситуации можно только догадываться). Однако еще до окончания зимы Мустафа встретил свою смерть на берегах реки Листань. Никоновская летопись так рассказывает о его судьбе:

«Мустафа царевич прииде на Рязань со множеством Татаръ ратию, и повоева власти и села Рязанския, и много зла Рязани учинилъ; и отъиде съ полономъ многимъ, и ста на Полѣ, и посылаше въ Рязань, продая имъ полонъ. Рязаньци же выкупиша своихъ плѣнныхъ у Татаръ. Мустафа же паки прииде въ Рязань на миру, хотя зимовати въ Рязани; бѣ бо ему супротивно на Поли, а Поле все въ осень пожаромъ погорѣ, а зима люта и велми зла, и снѣзи велици и вѣтри и вихри силни. И того ради миромъ прииде въ Рязань и хотѣ зимовати въ Рязани нужи ради великиа. Услышавъ же на Москвѣ сиа князь великий Василей Васильевичъ и посла противу его князя Василя Оболенского и Андрѣя Федоровича Голтыева, да дворъ свой съ ними, да Мордву на ртахъ, понеже зима бѣ люта и снѣжна, а Татарове конми обмерли, и отъ мраза и студени великиа померзли, и бысть въ нихъ скорбь многа; а сѣно велми дорого. А царевичъ Мустафа былъ тогда въ Рязани въ градѣ Переславлѣ; Рязанци же выслаша его изъ града, онъ же вышедъ изъ града и ста туто же подъ градомъ Переславлемъ. А съ Москвы воеводы великого князя Василя Васильевича приидоша на него и ступишася на рѣчкѣ на Листани. Татары же отнюдь охудѣша и померзоша, и безконни быша, и отъ великаго мраза и студени великиа и вѣтра и вихра луки ихъ и стрѣлы ни во чтоже быша; снѣзи бо бяху велици зѣло. И приидоша на нихъ Мордва на ртахъ съ сулицами и съ рогатинами и съ саблями; а казаки Рязаньския такоже на ртахъ съ сулицами и съ рогатинами и съ саблями з другаи стороны; а воеводы великого князя Василя Васильевича съ своею силою; а пѣшаа рать многа собрана на нихъ съ ослопы и съ топоры и съ рогатинами. И бысть имъ бой великъ и силенъ зѣло на рѣчкѣ на Листани, и начаша одолѣвати христиана. Татарове же никакоже давахуся въ руки, но рѣзашася крѣпко; и много Татаръ избиша, и самого царевича Мустафу убиша, и князей съ нимъ многихъ Татарьскихъ избиша; а князя Ихмутъ-мурзу яли, да князя Азбердѣя, Мишереванова сына, яли и иныхъ многихъ Татаръ поймали»⁷.

Даже в практически безысходной ситуации ордынцы вели себя как превосходящая сторона: «Татарове же никакоже давахуся въ руки, но рѣзашася крѣпко». Мустафа пытался доминировать, но ситуация повернулась против него. Сын Улуг-Мухаммада пал в битве с русскими войсками. Данный факт не мог остаться безнаказанным со стороны хана.

Осенью 1444 г., возможно в сентябре⁸, состоялся поход «татар» против мордвы, похожий на ответное действие за ее участие в сражениях с Мустафой зимой 1443—1444 г. Также татары «приходиша... на... Рязанския украины», где и произошла расправа над Мустафой. Далее,

⁷ ПСРА. Т. 12. С. 61—62. В этой статье некоторые поздние летописи использованы не случайно. При сопоставлении данных поздних и ранних летописей выяснилось, что подробности есть только в поздних сводах. В ранних зачастую встречается только констатация факта без нюансов. При этом для рассматриваемой темы подробности важны. Полагаю, в данном случае можно «прислушаться» к поздним летописям, так как в них могли сохраниться те нюансы, которые имели место быть в изначальном тексте (протографе) очень ранних сводов, но в дальнейшем, при переписывании летописцами, они были сочтены (в одних — «ранних» летописях) лишними, в других же («поздних») они были все же оставлены как необходимые. Какими замысловатыми путями при этом шла мысль летописца, нам догадаться трудно. См. также: Разрядная книга 1475—1605 гг. / Сост. Н. Г. Савич; под ред. и с предисл. В. И. Буганова. М., 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 17—18.

⁸ Летописных сообщений два: в первом говорится о том, что в сентябре 1444 г. «приходиша Татарове на Рязанския украины», а во втором — «тоя же осени воеваша Татарове Мордву».

зимой 1444—1445 г., Улуг-Мухаммад «приходилъ ратью къ Мурому»⁹. Вероятно, что не только в последнем случае (когда хан назван по имени), но и в предыдущих действовало войско хана Улуг-Мухаммада, находившееся зимой 1444—1445 г. недалеко от Рязанского княжества — в районе Нижнего Новгорода.

В дальнейшем мы встречаем Улуг-Мухаммада и его людей в юго-восточных границах Московского великого княжества летом 1445 г.¹⁰ Отсюда Улуг-Мухаммад пригласил к себе в орду черкасов для участия в военной кампании¹¹, возможно, против бека Али (Али Бека), контролировавшего тогда Казань¹². Некоторое количество казаков откликнулось на призыв и присоединилось к хану в юго-восточном приграничном районе Московского княжества. Верные своей славе неуправляемых голов, затем черкасы совершили набег и на русский город Лух, набег, который, согласно русским летописцам, не был санкционирован Улуг-Мухаммадом: «То же весны царь Махметъ и сынъ его Мамутякъ послали въ Черкасы по люди, и прииде къ нимъ двѣ тысячи казаковъ и, шедше, взяша Лухъ безъ слова царева (выделено мной. — Б. Р.), и приведоша полону много и богатства»¹³.

Успех черкасских татар придал уверенность Улуг-Мухаммаду: «Видѣвъ же царь множество корысти, и посла дѣтеи своихъ, Мамутяка да Ягупа, въ отчины князя великого воевати»¹⁴. Возможно, что целью вторжения была сама Москва, для возобновления вассальных связей Василий II — Улуг-Мухаммад и продолжения выплаты дани. Архангелогородский летописец отмечает, что Махмуд и Якуб пришли из Казани¹⁵. В Москве своевременно узнали о движении татар. По приказу великого князя полки русских князей стали стягиваться к Суздаю.

Василий II вместе с князьями Иваном Андреевичем Верейским, Василием Ярославичем и другими воеводами 6 июля 1445 г. вышли к реке Калинке и остановились у Спасо-Евфимиева монастыря, в непосредственной близости от Суздаля. Во время проведенного смотра количество воинов составило 1000 человек. Этого было явно недостаточно для боя. Ожидалось прибытие подкрепления. В тот же день поступило ложное известие о приближении татар. Когда ситуация прояснилась, был дан отбой. Видимо, было решено расслабиться традиционным способом. Как отмечают многие летописи, вечером этого дня у великого князя была продолжительная пирушка: великий князь «ужыналь у себя со всею братьею и з бояры, и пиша долго ноци (выделено мной. — Б. Р.)».

По всей видимости, физическое состояние войска и великого князя на следующий день 7 июля оставляло желать лучшего. Воеводы и сам великий князь проснулись поздно, когда солнце уже взошло. С трудом отстояв заутреннюю службу, великий князь решил «еще попочинуть», но в тот момент пришло известие, что татары переходят бродами реку Нерль. Василий II разослал всем воеводам приказ о выступлении и сам пошел навстречу татарам. Сил для боя у Василия II было явно недостаточно. Не успел подойти татарский султан Бердедат б. Худайдат, находившийся в Юрьеве, некоторые русские князья. Дмитрий Шемяка не откликнулся на 14 обращений великого князя, не прислав своих войск.

⁹ ПСРЛ. Т. 12. С. 62.

¹⁰ Летописи упоминают его в различных местах: под Муромом и «Новгородом Нижним Старым» (Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1. С. 6—10).

¹¹ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 151. Наиболее вероятно, что место, о котором здесь идет речь, — это черкасский анклав вдоль Днепра, вниз по течению от Киева, широко известное пристанище для перебежчиков из Степи (Vernadsky G. The Mongols in Russia. New Haven, 1953. P. 324; Stökl G. Die Entstehung des Kosakentums. Munich, 1953. S. 57—59).

¹² Эта кампания пройдет позже тем же летом.

¹³ ПСРЛ. Т. 23. С. 151.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 395; Т. 23. С. 151.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 37. С. 87.

Соотношение сил было следующим: у татар 3500 воинов, у русских — 1500¹⁶. Начало сражения складывалось для русских благоприятно, они выдержали атаку татарской конницы. Не добившись успеха, татары применили традиционный для степняков прием — имитацию бегства. Это оказалось роковым для русских полков. Они попали в ловушку. Сражение под Суздаlem свелось к сражениям отдельных полков. Татары всеми силами обрушились на расстроенные отряды русских. Собрать свои рассеянные отряды и организовать отпор атаке татар великому князю не удалось. В битве с сыновьями Улуг-Мухаммада русское войско было полностью разгромлено, а сам Василий II, князь Михаил Андреевич Верейский и множество других князей, бояр и детей боярских попали в татарский плен¹⁷. Как отмечают летописи, великого князя «руками яша». Все они были отвезены в Нижний Новгород к Улуг-Мухаммаду. Это был единственный случай в истории России, когда верховный правитель оказался в плену.

Сам Василий II, по данным летописцев, сражался мужественно, скакал во главе преследующего татар передового отряда, был ранен в голову и получил многочисленные телесные повреждения. Однако именно данная тактика и являлась ущербной, так как при таком подходе главный стратег рисковал личной безопасностью, а соответственно и всем командованием. Данной практики в татарской тактике военных сражений никогда не присутствовало. Полководец всегда руководил военными действиями на отдалении от поля битвы, не вступая лично в бой. В результате управление войсками осуществлялось оперативно.

Успех татар был впечатляющим и получил известность далеко за пределами Руси. О поражении Василия II и его пленении знали в Литве и Польше¹⁸. Катастрофа русских войск под Суздаlem, известная как «Мамотьяковщина», еще долгие годы (70–90-е годы XV в.) вспоминалась на Руси¹⁹. Неудивительно, что такое неординарное событие привело и к столь же неординарным последствиям.

В начале октября Василий был отпущен в Москву с большим татарским эскортом после обещания выплатить хану большой выкуп²⁰. Как результат этого выкупа был образован Касимовский юрт²¹. Как мы видим из летописных текстов, летом 1445 г. Якуб находился со своим отцом. Поэтому, чтобы оказаться среди султанов, которые двинулись в литовском направлении в феврале 1446 г., он, согласно логике, должен был бы прибыть в Московию после лета 1445 г. Очень вероятно, что он являлся одним из татар, сопровождавших Василия в Москву осенью этого года из лагеря Улуг-Мухаммада. Брат Якуба, султан Касим, согласно данным русских летописей, отсутствует в лагере хана летом 1445 г.²², что может служить основой для предположения, что он мог являться вторым султаном, посланным зимой 1444/1445 г. против литовцев, и что после этого он находился на территории Московского княжества, пока Василий находился в плену у Улуг-Мухаммада.

¹⁶ Цифры условные.

¹⁷ ПСРЛ. М., 2000. Т. 15. Стб. 492; М., 1965. Т. 30. С. 134; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 426; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 18.

¹⁸ Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966. С. 208, 225.

¹⁹ См. отсылку к «Мамотьяковщине» в правой грамоте великого князя Ивана Ивановича (сына Ивана III) по спорному делу о землях Спасо-Евфимиева монастыря, приблизительно датированной 76–90-ми годами XV в. (Сборник Муханова. СПб., 1866. С. 561).

²⁰ Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 34 и далее. По поводу дискуссии о релевантных источниках см.: Keenan E. Muscovy and Kazan, 1445–1552: a study in steppe politics. Harvard, 1965. L. 134–137.

²¹ См.: Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009. С. 47–65.

²² О нем, как о присутствующем в лагере Улуг-Мухаммада, нет данных в русских летописях.

С одной стороны, источники вполне недвусмысленны: с 1446 г. и далее Касим и Якуб остаются верными союзниками Василия, всегда участвуя в кампаниях на его стороне, причем как против русских, так и против татар. Как мы уже видели выше, два брата покинули Московию в феврале этого года вместе с другими сторонниками Василия, когда великий князь оказался в плену у своих русских же противников. На тот момент они решили двинуться в южном направлении, в сторону черкасского анклава казаков, видимо, чтобы обдумать свои дальнейшие шаги. К концу года, по-видимому, до них дошли слухи, что Василий вновь на свободе и предпринимает действия по возвращению великокняжеского престола. Помня о своем прошлом альянсе с великим князем, а также, видимо, по причине отсутствия перспектив каких-либо других многообещающих кампаний, Касим и Якуб вместе со своими военными отрядами отправились на территорию Московского княжества в поисках своего старого союзника и данника Улуг-Мухаммада, Василия II.

Согласно летописной реконструкции событий, по пути они встретили другую группу сторонников великого князя во главе с князем Василием Ярославичем, базировавшихся в Литве, которые, приняв татар за врагов, начали стрелять в них из луков. Во время недолгого затишья, говорят нам летописи, татары постарались выяснить, кем являются их противники: «По сем же Татарове начаша Руси кликати: “Вы кто есте?” Они же отвѣщаша: “Москвичи. А идемъ съ княземъ Васильемъ Ярославичемъ искати своего государя великого князя Василья Васильевича, сказывають уже его выпущена. А вы кто есте?” Татарове же рекоша: “А мы пришли ис Черкас съ двѣма царевичема Махметевыми дѣтми, с Касымом да съ Ягупом; слышели бо про великого князя, что братиа над ним израду учинили, и они пошли искати великого князя за преднее его добро, и за его хлѣбъ, много бо добра его до нас было”. И тако спедшесе и укрѣпившесе межъ себя, поидоша вкупѣ, ищущи великого князя, како бы помощи ему»²³.

В Ярославле объединенные русско-татарские силы нагнали Василия, и с этого момента чаша весов в гражданской войне решительно качнулась в сторону Василия II²⁴. К февралю 1447 г. Василий возвратил себе Москву, и к следующему лету его враги уже просили о мире. Условия мира содержали много уступок Василию. Один из пунктов специально касается татар, которые упомянуты рядом с самим великим князем и двумя другими московскими князьями: «А в сем намъ перемирие на князя великого Василья Васильевича, и на князя Михаила Андрѣевича, и на князя Василья Ярославича, и на царевичев и на князей на ордынских, и на их татарь не ити, и не изгонити их, не пастися им от нас никоторого лиха»²⁵.

Тот факт, что султаны стоят в грамоте сразу за великим князем и двумя его ближайшими родственниками-союзниками Даниловичами-Рюриковичами, говорит нам о чрезвычайно высоком статусе джучидской аристократии в политической структуре Московского княжества, а также о значительности их военного вклада в победу Василия в гражданской войне. Сам факт упоминания того, что противники Василия были обязаны отказаться от любых посягательств на царевичей, их князей и людей, указывает нам на то, что московские власти рассматривали пребывание данных Джучидов на своей территории не как кратковременное, а, по крайней мере, как долговременное, возможно, и постоянное.

Это пребывание и стало долговременным. Когда весной 1449 г. противник Василия Дмитрий Шемяка нарушил договор и двинулся к Коломне, «царевичи съ всею силою» вновь присоединились к великому князю для того, чтобы вновь отбить атаку конкурента на

²³ Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 40–41.

²⁴ Там же. С. 41.

²⁵ ДДГ. С. 141. Приблизительно датирована июлем 1447 г.

их союзника²⁶. Чуть позже, в этом же году, люди хана Сеид-Ахмада («скорые Татарове Седюхматовы») произвели набег на московские территории в бассейне реки Пахры. Когда Касим, базировавшийся на тот момент в Эвенигороде, прослышал про это, он выдвинулся против людей хана²⁷. Вскоре после этого, в январе 1450 г., два султана вновь появляются на политической сцене в рядах сторонников Василия, выступая против Шемяки²⁸. Осенью этого же года планировался еще один рейд из Степи на московские территории — «Мальи Бердеи уланъ и иные с ним князи съ многими Татары». Василий, который находился в это время в Коломне (очевидно, с Касимом), вновь выслал против татар царевича Касима с его татарами, вместе с местным отрядом под командованием Константина Беззубцова²⁹.

Итак, анализ событий первой половины XV в. позволяет сделать вывод о том, что вплоть до середины XV в. у правителей Северо-Востока Руси попросту не хватало военной мощи, чтобы слаженно и системно противостоять татарам, они прекрасно понимали, что отдельные эпизоды агрессии с их стороны повлекут за собой ответные акты, в целом они проигрывают в военном отношении представителям Орды и миру Степи (кочевому). Это не означало, что актов агрессии с их стороны не было вообще, что очень хорошо подтверждает случай Мустафы (который пал жертвой политических метаний Василия II).

Процесс «сотрудничества» с миром Степи сильно затянулся. Факты открытого и агрессивного противостояния татарам практически не встречаются нам более на протяжении всего XV в. Смерть султана Мустафы — единственный зафиксированный в источниках не только за XV, но и за XVI в. случай, когда представитель династии Чингисхана был откровенно убит³⁰ на территории Северо-Восточной Руси силами Москвы.

Историческое значение бойни на реке Листань — в той яркой, пусть даже страшно-кровавой, иллюстрации того, каким образом великие князья *хотели бы* встречать всех выезжих Джучидов. Она показывает, что при наличии других политических реалий, нежели реалии XV—XVI в., московские правители могли бы жестко воспротивиться притоку Джучидов в Московию.

Однако данный вариант развития событий, как показывают источники, был московскими правителями в XV—XVI в. отклонен, отклонен вынужденно. В ситуации XV—XVI в. они не имели «мощностей» противиться притоку сарайской эмиграции. Великие князья при всем желании не могли освободиться от вовлеченности в перипетии степной политики. Напротив, в течение всего XV в. московским правителям приходилось³¹ принимать постоянный поток Джучидов-беглецов из нестабильного мира Степи, обрушившийся на московские берега, причем вместе с их конницами и семьями. Любой Чингизид, отъезжавший на Русь для поселения, уже в силу своей принадлежности к правящей династии Джучи, т. е. к высшей категории татарской знати, имел право требовать — и получал — соответствующую часть дани, а иногда и территорию, с которой собиралась эта часть в его пользу. Поэтому вместо того, чтобы «освободить» себя от «татарского ига», великие князья принимали знатных татар сотнями, причем селили их обычно в центральных землях Московии, и посредством этого стали настолько сильно включены в

²⁶ Иоасафовская летопись. С. 42.

²⁷ Там же. С. 43.

²⁸ Там же. С. 43; Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. С. 22—23.

²⁹ Иоасафовская летопись. С. 44; Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. С. 23—24.

³⁰ Я имею в виду случаи открытой констатации источниками данного факта (преднамеренного убийства).

³¹ Естественно, они попытались извлечь (и извлекли) из этой ситуации свою пользу, приспособившись и под эти не сразу приятные и выгодные отношения.

политическую систему Степи, что превзошли в этом своих предков, проводивших зачастую большую часть жизни, курсируя между ханской ставкой и своими владениями³².

Два крупных военных поражения Василия II — Белев 1437 г. и Суздаль 1445 г. — вынудили его принять татар на свою территорию. Однако московские великие князья совладали и с этой проблемной ситуацией, в дальнейшем превратив минусы в плюсы. Договорные грамоты сына и преемника Василия II Ивана III с его братьями — удельными князьями Борисом Васильевичем Вологодским (13 февраля 1473 г.)³³ и Андреем Васильевичем Угличским (14 сентября 1473 г.)³⁴ — говорят следующее: «А царевича нам Даныяра³⁵, или *кто по нем на том мѣстѣ иныи царевич будет* (выделено мной. — Б. Р.), и тобѣ его держати с нами с одного. А будет, брате, мнѣ, великому князю, и моему сыну, великому князю, иного царевича отколе приняти въ свою землю, своего дѣля дѣла, и хрестыянского для дѣла, и тебѣ и того держати с нами с одного»³⁶.

Эта цитата позволяет говорить о том, что к 1473 г. Иван III ожидал уже перманентного притока Джучидов в Московию. И это неудивительно — именно началом 1473 г. датируется изменение в формулировке пункта об отношениях с Ордой в договорных грамотах, когда термин «Орда» (в единственном числе)³⁷ заменяется термином во множественном числе — «Орды»³⁸. Видимо, это свидетельствовало об окончательном осознании Москвой того, что «Бог Орду переменял» — единого государства в прежнем виде уже не существует, начался новый период поздней Золотой Орды — конгломерата из нескольких орд-ханств. Большая Орда, признававшаяся до этого года сюзереном Московии, была согласно формулировкам грамот приравнена к статусу других ханств³⁹, в нее перестал выплачиваться «выход»⁴⁰. Естественно, в Москве поняли, что это изменение было им на руку, сильной власти более не предвидится, формально сохранявший единство корабль начало штормить, и он изрядно накренился вбок, выплеснув в воды Степи представителей династии Чингисхана, не столь удачливых в политических перипетиях, как, например, Менгли-Гирей в Крыму. Московское руководство во главе с великим князем осознало, что прибытия Касима, Бердедата, Якуба не были изолированными событиями. «Орда изменилась», по воле ли Бога или людей. Столкнувшись с такого рода переменами, московские правители были вынуждены отклонить тактику агрессивного противостояния Джучидам, каковая ими иногда все же применялась, как, например, на реке Листань в 1443 г. Начиная примерно с 70-х годов XV в. они отвечали на продолжающиеся политические штормы в Степи по-иному — предложением своей территории как безопасного и спокойного убежища.

³² В «Повести о нашествии Едигея» взаимоотношения Орды и Руси выступают не в форме отношений государства-завоевателя к государству побежденному, а в форме союзно-договорных связей между двумя самостоятельными политическими образованиями, причем главенствующую роль среди них, естественно, занимает Орда. Очевидно, как это было подмечено еще Л. В. Черепниним, «к подобной международной системе стремилась Русь после Куликовской битвы, и этот политический идеал временами, казалось, был близок к осуществлению» (Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 724).

³³ ДДГ. № 69. С. 226, 231–232; 228.

³⁴ ДДГ. № 70. С. 234, 238, 244, 249; 236, 240–241, 246.

³⁵ Сын Касима, второй правитель Мещерского городка (Касимова).

³⁶ ДДГ. № 69. С. 226.

³⁷ См., в частности, грамоты, относящиеся к первому десятилетию правления Ивана III (1462–1472 г.): ДДГ. № 63. С. 202–203, 205; № 64. С. 209, 211; № 65. С. 214; № 66. С. 215; № 67. С. 218, 220; Горский А. А. Москва и Орда. С. 165. Самые поздние из них датируются временем до 12 сентября 1472 г.

³⁸ Впервые появляется в той же грамоте Ивана III с его братом Иваном Васильевичем Вологодским, подписанной 13 февраля 1473 г.

³⁹ Горский А. А. Москва и Орда. С. 167.

⁴⁰ Хотя не следует исключать того, что периодически он все же выплачивался.

Основная часть ордынской «эмиграции» первой половины XV в. в Московское великое княжество была связана с именем бывшего сарайского хана Улуг-Мухаммада. Данный период (приблизительно 1400—1473 г.) можно обозначить как первый этап «сотрудничества» Москвы и Джучидов. Его характерной особенностью было то, что приезды и оседания Чингизидов были инициированы Ордой и юрты им либо не выделялись (как Тохтамышевичам), либо выделялись по требованию ордынского сюзерена как результат каких-либо «провинностей» московской стороны (как Касиму).

Осмысление данного процесса может вывести нас и на более широкие обобщения. Золотая Орда на протяжении около 200 лет была крупной империей Средневековья. Как и у всякой империи, составляющие ее компоненты были слишком сложны для длительного сосуществования. Поэтому к середине XV в. физическое тело этой империи одряхлело, но внутреннее содержание готово было продолжать свой путь. Джучиды — «душа» империи Чингисхана — стали переселяться в более молодое тело Московского Великого княжества, в котором они почувствовали потенциал динамичного развития. На первых порах данный процесс не был добровольным для правителей Москвы, но вскоре и они стали эксплуатировать его с выгодой для себя. Таким образом, еще до середины XVI в., до завоевания Казани и Астрахани, у Москвы уже была своя имперская составляющая, позволяющая ее правителям, не принадлежавшим к династии Чингисхана по крови, участвовать в борьбе за «ордынское наследство» на равных со своим татарским конкурентом — Крымом. В конце концов именно Москва, а не Бахчисарай, одержала победу в этой весьма продолжительной схватке. Одна империя Средних веков трансформировалась в другую империю Нового времени.